

Rolf Fieguth

**ШЕСТЬ СТАТЕЙ О ВОЗВЫШЕННОМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ**

Благодаря гостеприимству редакции, в настоящем выпуске WSA публикуется часть материалов состоявшейся в сентябре 1992 г. во Фрибурге, в Швейцарии, конференции на тему "Категория возвышенного в историко-литературном развитии от классицизма до первой половины XX века". Были прочитаны следующие доклады:

Юлдуз Нигматуллина, Казань: Функция категории возвышенного в произведениях русского классицизма и романтизма.

*Ямилъ Сафиуллин, Казань: Возвышенное в русской эстетике первых трех десятилетий XIX века.

**Judith Bischof, Fribourg: Возвышенное в поэме *Žmija* Юлиуша Словацкого.

**Susi Kotzinger, Konstanz: Возвышенное у Н. Гоголя.

**Lucas Gasser, Fribourg: Возвышенное в поэтическом изображении природы у Ф. Тютчева.

Валерий Коновалов, Казань: Эволюция категории возвышенного в русской эстетике второй половины XIX века (Чернышевский и Соловьев).

**Rolf Fieguth, Fribourg: Возвышенное у Вячеслава Иванова¹.

**Нэллифер Ассанова, Казань: Тема ностальгии у Вл. Набокова (*Защита Лужина; Дар*).

Jean-Philippe Jaccard, Genève: Хармс и возвышенное.

Маргарита Богаткина, Казань: Концепция возвышенного в русской поэзии начала XX века (Б. Пастернак).

Leonid Heller, Lausanne: Оценочная терминология социалистического реализма.

Из названных докладов некоторые (обозначенные **) по разным причинам здесь не печатаются, другие (обозначенные *) печатаются в виде краткого сообщения, остальные публикуются после более или менее значительной переработки².

В качестве некоторого дополнения к настоящему выпуску WSA в 1994 г. в Казани выходит антология русских теоретических и литературных текстов с 18-ого до конца 19-ого века, посвященных возвышенному³.

Читатель всех собранных здесь статей легко убедится в том, что в их основе лежат разные и даже противоречивые интерпретации категории возвышенного, различие между которыми вытекает не из одной только специфики обсуждаемых в статьях историко-литературных периодов. Несколько упрощая и обобщая, можно сказать, что мы, западные авторы, тяготели, скорее, к концепции возвышенного негармонического, непрекрасного, безобразного и безобразного, родственного с неизглаголемым и неизобразимым, понимаемого в общем духе абстрактного, антиреалистического искусства авангардов XX века, тогда как наши казанские гости, напротив, неустанно подчеркивали существенную связь возвышенного с эстетическим, этическим, государственным, историческим идеалом данного периода литературной истории. О предпосылках такого подхода будет сказано ниже, но сперва я постараюсь вкратце восстановить контекст нашего, так сказать, западного интереса к возвышенному.

Наш интерес к возвышенному в русской литературной истории был вдохновлен дискуссией вокруг возвышенного, которая велась с начала 80-х годов среди философов, историков искусства и литературы Франции, Италии, США и Германии по инициативе французского философа Jean François Lyotard'a, одного из "властителей дум" (maîtres-penseurs) западного постмодернизма. Дискуссия получилась необыкновенно оживленной, потому что она включилась в споры о благородных и менее благородных аспектах традиций прогресса и просвещения и их значении в наш период кризисного конца Нового времени.

В предыдущие десятилетия, в 50-е, 60-е и 70-е годы, возвышенным и его литературными судьбами за пределами узко специальных исследований по истории эстетических идей не интересовались. Возвышенное воспринималось тогда многими категорией дискредитированной из-за ее связи с монументализмом и помпезностью официального искусства тоталитарных режимов Западной и Восточной Европы 30-х, 40-х и даже 50-х годов. Поколение уцелевших от гигантских сражений, кремационных печей и всевозможных лагерных архипелагов часто недоверчиво относилось к традиционной эстетике добра, истины, возвышенного прекрасного и гармонических форм⁴.

Вышедший неоконченный труд франкфуртского философа Т. В. Адорно (1903-1969) *Эстетическая теория* (1970) хорошо отражает общее для послевоенного периода недоверие к категории возвышенного:

То, что выступает как возвышенное, звучит пусто [...] Аскетическое воздержание Канта от эстетически возвышенного объективно превосходит критику героического классицизма и производного от него эмфатического искусства. Но Кант, возведя возвышенное в подавляюще великое, в антитезу власти и бессилия, некритически принял не поставленное под сомнение сообщничество возвышенного с властью. Искусство же обязано стыдиться такого сообщничества [...]. Наследием возвышенного является не смягченная ничем отрицательность, нагая и лишенная видимости [Schein - иллюзия, сияние], согласно давнему обещанию видимости [Schein - сияние, иллюзия] возвышенного. Но то же самое и является наследием комизма [...]. Трагизм и комизм погибают в Новом искусстве, сохраняясь в нем как погибающие (Adorno 1990, 294-296; перевод мой - Р.Ф.)⁵.

Но кроме недоверия, здесь слышатся и акценты небезразличия к нашей категории. "Наследие возвышенного" вдруг оказывается в близкой связи с Новым искусством:

Произведения Кафки нарушили доброе согласие и взаимопонимание с читателем явной эмпирической невозможностью рассказываемого, но именно из-за такого нарушения взаимопонимания стали понятными всем. [...] В покоренном администрацией мире подходящая форма восприятия произведений искусства - это сообщение несообщаемого, преодоление овеществленного сознания. *Произведения, в которых эстетическая форма, под давлением правды, трансцендирует самое себя, занимают то место, которое издавна имелось ввиду возвышенным* [курсив мой - Р.Ф.]. В них дух и материал, стараясь прийти к единству, отдаляются друг от друга. Их дух осознает себя как нечто чувственно неизобразимое, их материал, то, к чему они привязаны вне их пограничия - осознает себя как нечто непримиримое с единством произведения (291 и след)⁶.

Как ни странно, здесь уже налицо все то, чем с начала 80-х годов, в новой атмосфере постмодернизма, будет электризовать многие умы Jean-François Lyotard: связь основных, согласно мнению Адорно (и Лиотара), качеств Нового искусства - непримиримой отрицательности, обнаженной материальности, упора на неизобразимое и на несообщаемое - с наследием старинной категории возвышенного. Лиотар в статье 1981 г. "Ответ на вопрос: что такое постмодернизм?" (Lyotard 1988)⁷ будет развивать мысль Адорно. Согласно Лиотару, в эпоху развитого "модернизма" и начала "постмодернизма", категория гармонически прекрасного в эстетике утверждает тоталитарные тенденции западного

современного общества, его одержимое стремление к функциональности и его "героя", цельного, спортивного, безошибочно функционирующего индивида. Эту идею отрицает возвышенное в Новом искусстве, которое своей "непонятностью" и отказом от изобразительности сообщает о несообщаемом и о несообщаемости. Согласно ссылающемуся на Канта Лиотару, чувство возвышенного создает в индивиде конфликт между различными его способностями познания и восприятия, выводит его из разумного внутреннего равновесия, приводит к внутреннему расстройству и расщеплению, создает в нем шизоидальные состояния. Возвышенное в искусстве служит залогом того, что современный индивид в силу внутренней расщепленности не позволит прекрасно-функциональному порядку нового общества полностью овладеть собой⁸.

Итак, именно этой статье было суждено вызвать упомянутую оживленную дискуссию и возбудить новый интерес к литературной истории возвышенного. Вслед за ней, тема возвышенного обсуждалась на многих научных конференциях и в сборниках статей; приведу лишь два сборника: Jean-François Courtine 1988, и Pries 1989. В последней книге собраны статьи разных авторов по истории возвышенного, начиная от французского перевода (1674) Буало трактата Лже-Лонгина *О возвышенном* до западного искусства и литературы современности. Таким образом, эта книга, несмотря на ее несомненно модный характер и на ее многочисленные белые пятна, открывает глаза на возможность "нормально-филологической" литературной истории возвышенного европейской литературы всего Нового времени.

Вот в каком смысле она служила нам не столько как модель, сколько некоторого рода инспирацией для серии очерков по истории возвышенного в русской литературе от классицизма до середины XX века.

Серия напечатанных ниже работ открывается статьей "Функция возвышенного в произведениях русского классицизма и романтизма" Ю. Нигматуллиной, профессора теории литературы на кафедре русской и зарубежной литературы КГУ (Казанского государственного университета). Поучительны и интересны ее меткая характеристика общей понятийной базы и различного понимания возвышенного в русском классицизме как синтаксическом типе культуры, и в романтизме как семантическом типе культуры; ее тонкие наблюдения над отдельными текстами и авторами, ее замечания о развитии и способах проявления возвышенного в реализме и символизме. Вся статья, впрочем, навеяна вопросом об актуальной значимости идеалов Просвещения XVIII века в теперешней России и уже этим как бы созвучна проблемам, которые лежат в основе и западных дискуссий вокруг возвышенного.

Доклад З. Котцингер был посвящен одной, мало изученной в русистике, разновидности романтического возвышенного, выступающей в статьях Н. Гоголя. Он черпал свои представления о возвышенном среди прочего из риторической традиции, восходящей к Лонгину и продолжающейся особенным образом в иезуитских риториках проповеди. В теоретических высказываниях Гоголя, следовательно, воздействие возвышенного и на слушателя, и на самого вдохновенного "ритора" равно воздействию священного, которое вызывается к моментальному присутствию с помощью поражающей "стихийной" силы производящего возвышенное впечатление здания, музыкального произведения и пр. Концепция автора *Арабесок* - и *Выбранных мест* - носит характер, явно направленный против идей Просвещения; тут дело уже не в кантовском возвышенном, влекущем за собой разлад между разумом и способностью чувственного воображения и изображения, тут дело в сознательном исключении всего разумного, сознательного и рассудочного элемента. Такой радикальный вариант романтически возвышенного служит нужным дополнением тому, что Нигматуллина заметила о романтизме как мгновенном примирении красоты "явления" с возвышенным как бесконечно развивающейся "сущностью". Интересно показана связь между гоголевской идеей "моментальности" с определенными концепциями искусства XX века ("эпифания", "шок"), о которых упоминает в прекрасной статье о Д. Хармсе и Ж.-Ф. Жаккар (ср. его размышления о "теперь" у Д. Хармса, Б. Ньюмана и Ж.Ф. Лиотара).

Статья Ю. Нигматуллиной и доклад З. Котцингер оставляют, на мой взгляд, некий тематический пробел. Это вопрос о возвышенном в сентиментализме. Я не уверен, что интерес к возвышенному действительно падает в период Радищева и Карамзина, он лишь меняет форму и контекст. В наличии своеобразного "дискурса о возвышенном" легко удостовериться, перечитывая и *Путешествие* Радищева, и *Письма русского путешественника* Карамзина⁹. Он у обоих авторов связывается, в частности, с вопросом о свободном, спонтанном религиозном чувстве человека: чувство возвышенного, высокого, величественного заменяет в некотором смысле чувство традиционной церковной веры¹⁰. Кажется, что восприимчивость к возвышенному сопрягается сентименталистами со способностью к грусти, депрессии и меланхолии. Спокойное и тихое величественное не нарушает, а упрочивает внутреннее равновесие индивида, при всей своей неизглаголемой огромности проявляется в человеческой душе лишь мгновенно, и с поразительной быстротой сменяется другими, иногда весьма невозвышенными настроениями и впечатлениями. Вследствие этого сентименталистское возвышенное как в тематическом, так и в стилистическом плане как бы стремительно

растворяется в своем инородном окружении. Его интересно было бы сравнить с элементами возвышенного, выступающими иногда у таких авторов реализма, как Тургенев или Чехов.

Перспективы дальнейшего развития возвышенного обрисовываются в статье В. Коновалова, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы КГУ и специалиста по вопросам русской литературной критики XIX века. Он ставит в один развительный ряд Чернышевского, Достоевского и В. Соловьева и сравнивает их концепции возвышенного, что само по себе является замечательной и нешаблонной концепцией. Однако связь возвышенного в концепции Достоевского и Соловьева с идеей красоты, добра и истины, с одной, и с трагическим, с другой стороны, требует, на мой взгляд, существенного дополнения, а именно идеей зла и греха, как других необходимых качеств человеческой природы, составляющих обратную сторону возвышенного у обоих авторов.

Еще один пробел получился в данной серии из-за отсутствия двух текстов о символизме (Ханзен-Лёве; Фигут). Кроме того, только одна статья посвящена сложной проблематике возвышенного в "классических" русских авангардах: работа Маргариты Богаткиной, Казань: "Концепция возвышенного в русской поэзии начала XX века (Б. Пастернак)", причем статья обсуждает только один из аспектов тематики. При всех достоинствах этого исследования надо сказать, что если из нашего скромного собрания статей когда-либо должна будет возникнуть коллективная монография о возвышенном в русской литературе последних двух столетий, то без дополнительных статей об элементах возвышенного в футуризме, акмеизме и прочих линиях авангарда не обойтись. Оригинально раскрывает возвышенное у Д. Хармса Jean-Philippe Jaccard, Женева. Цикл статей замыкается богато документированной статьей Леонида Геллера (Лозанна) "Оценочная терминология социалистического реализма".

Статьи казанцев и неказанцев отличает друг от друга отношение к настоящему. В статьях неказанцев с большей или меньшей очевидностью отражается воздействие эстетики нашего века. На казанцев же настоящее воздействовало как раз не в эстетическом плане.

Не секрет, что у многих западных теоретиков и историков, особенно русской литературы, термин "возвышенное" и связанная с ним проблематика вызывали и вызывают возражения, смешанные чувства и сильные сомнения; для одних категория возвышенного совсем устарела и неуместна, особенно применительно к литературе конца XIX и XX веков; для других вся эта дискуссия является неприятно модным и сугубо сомнительным вымыслом некоторых самозванцев-постмодернистов¹¹.

Подобного рода скептицизм разделялся в начале и казанскими коллегами, когда им был предложен проект совместной конференции по возвышенному. Но вскоре они стали открывать определенную диалектическую связь темы с переживаемым ими периодом резких переломов. Среди наших казанских гостей было трое татар и двое русских, а трое из них происходят из семей жертв сталинских репрессий и насильственных переселений. Тем не менее распад Советского Союза переживался всеми не только как избавление от ига, не только как широкое поле новых возможностей и свобод. Он в их ощущении представлял собой и большую потерю, не только в материальном смысле вполне конкретного экономического обнищания интеллигенции. Еще большее чувство катастрофы единого российского государства, чувство угрозы мирному сосуществованию разных наций, угрозы тем общечеловеческим и общекультурным ценностям, возврат к которым, по их убеждению, произошел после сталинского варварства, с оттепелью. Размышлять о возвышенном в русской литературе в таком настроении, в несколько призрачной политической действительности суверенной Республики Татарстан казалось всем казанцам чем-то сказочно-нереальным и одновременно обнадеживающим.

Современное состояние и самоощущение влияло более или менее явно на все казанские доклады и статьи. Статья Ю. Нигматуллиной намекает на проблемы "государственной" литературы, которые не умерли вместе с Советским Союзом, но продолжают существовать в связи с мероприятиями по планомерному развитию самобытной национальной татарской литературы (ср. ее замечания о классицизме), а также на проблему сосуществования русских и татар (ср. ее краткий анализ *Россиады* Хераскова), на возвышенный идеал просвещенного государства и на опасности, вытекающие из этого же идеала.

Более или менее скрытый общий смысл большинства казанских выступлений лучше всего обнаружился в докладе, который здесь не печатается, в реферате профессора зарубежной литературы Нэллифер Ассановой "Тема ностальгии у Вл. Набокова (*Защита Лужина; Дар*)". Автор связал идею возвышенного с ностальгией, с тоской выброшенного на вечную чужбину человека по утопической идее величественной и гуманной, как художественное произведение, родины - России. В подобном духе освещается М. Богаткиной миф о величественном деле Петра в цикле *Петербург* Б. Пастернака.

Во всем этом отражается склонность к предметной интерпретации возвышенного. Ямилъ Сафиуллин, казанский специалист по литературной эстетике XIX века, в докладе о возвышенном в русской эстетике первой трети XIX века прямо утверждал, что онтологический смысл,

который придают возвышенному большинство русских теорий ("высокий предмет, внушающий высокие чувства"), "организует единство русской литературы" и входит в "традицию русской литературно-эстетической мысли" - и, прибавим уже от себя, в традицию, включающую в себя и Чернышевского с его известным определением возвышенного:

Возвышенное есть то, что гораздо больше всего, с чем сравнивается нами. Возвышенный предмет – предмет, много превосходящий своим размером предметы, с которыми сравнивается нами, возвышенное явление, которое гораздо сильнее других явлений, с которыми сравнивается нами.

Правда, формула Нигматуллиной "возвышенное [...] как противоречие между бесконечностью развития сущности и недостаточностью, неполнотой ее структурной организованности, выраженности, выявленности" делает упор на развитийное движение субстанции возвышенного, а Коновалов убедительно отмечает, вслед за Плехановым, внутреннее противоречие в "онтологическом" определении возвышенного у Чернышевского:

"Возвышенное по Чернышевскому имеет "фактическую реальность", но какая же реальность, когда и тут все зависит от сравнения нами?" (Наследие Плеханова 1974, т. III, с. 198).

Но субстанциальная основа их подхода к возвышенному очевидна. Оба связывают возвышенное - то ли через идею мгновенного примирения, то ли через опосредствование трагического - с идеалом красоты, и этим оба дают знать о их неприятии того непримиримо отрицательного понимания возвышенного, с каким мы встречаемся у Адорно и у Лиотара.

Однако не здесь лежит главный камень преткновения. Лично я считаю, что плодотворное продолжение проекта будет зависеть от того, в какой мере для раскрытия русской литературной истории возвышенного обеим сторонам удастся использовать эстетический опыт широко понимаемого русского (и западного) настоящего.

Примечания

¹ Публикуется среди материалов женеvской конференции о В. Иванове (Fieguth 1994).

- 2 Языковой и орфографической стороной правки статей, особенно нерусских авторов (в том числе и настоящего очерка), занимался Михаил Маяцкий, которому я приношу свою благодарность. У упомянутой конференции был своего рода предшественник: летом 1989 г. мы с Леонидом Геллером организовали западношвейцарский, фрибургско-лозаннский, докторантский семинар 3-го цикла по теме "Постмодернизм, возвышенное, традиции в славянских литературах". О возвышенном выступали тогда Alfred Sproede (Пушкин и начало русского реализма); Jean Cateau (Возвышенное и священное у Достоевского); Aage Hansen-Löve (Типология возвышенного в русском модернизме; в расширенной немецкой версии Hansen-Löve 1991); и я (Le postmoderne, le sublime et les traditions).
- 3 Готовят антологию В. Н. Коновалов и его сотрудники, и Я. Г. Сафиллин; открывают ее мои "Вступительные заметки". Если книга будет продаваться не слишком вяло, мы подумаем о составлении ее продолжения с текстами по возвышенному русского двадцатого века вплоть до наших дней.
- 4 Были, кажется, и совсем противоположные реакции - возвращение к сознательно консервативным эстетическим позициям. В Советском Союзе двух первых послевоенных десятилетий эти противоречивые тенденции, наверное, тоже были налицо, хотя официальный стиль печатных высказываний по эстетическим темам резко отличался от того, что было принято на Западе. В тонкостях и подтекстах советских академических интерпретаций возвышенного 60-ых и 70-ых годов мы на западе немного понимаем, если не считать таких специалистов по социализму, как Л. Геллера. Возвышенному была посвящена в начале 70-х годов докторская диссертация Ю. Г. Нигматуллиной об эстетическом идеале в некоторых советских литературах.
- 5 Was als erhaben auftritt, klingt hohl [...] (294). Kants Askese gegen das ästhetisch Erhabene antezipiert objektiv die Kritik des heroischen Klassizismus und der davon derivierten emphatischen Kunst. Indem er jedoch das Erhabene ins überwältigend Große, die Antithese von Macht und Ohnmacht setzte, hat er ungebrochen seine fraglose Komplizität mit Herrschaft bejaht. Ihrer muß Kunst sich schämen [...]. Erbe des Erhabenen ist die ungemilderte Negativität, nackt und scheinlos, wie einmal der Schein des Erhabenen es verhiß. Dies ist aber zugleich das des Komischen [...]. Tragik und Komik gehen in der neuen Kunst unter und erhalten als untergehende sich in ihr. (296). Цитаты из Адорно 1990.
- 6 Während die Schriften Kafkas durch die eklatante empirische Unmöglichkeit des Erzählten das Einverständnis der Romanleser verletzten, wurden sie eben vermöge solcher Verletzung allen verständlich. [...] In der verwalteten Welt ist die adäquate Gestalt, in der Kunstwerke aufgenommen werden, die der

Кommunikation des Unkommunizierbaren, die Durchbrechung des verdinglichten Bewußtseins. Werke, in denen die ästhetische Gestalt, unterm Druck des Wahrheitsgehalts, sich transzendiert, besetzen die Stelle, welche einst der Begriff des Erhabenen meinte. In ihnen entfernen Geist und Material sich voneinander im Bemühen, Eines zu werden. Ihr Geist erfährt sich als sinnlich nicht Darstellbares, ihr Material, das, woran sie außerhalb ihres Confiniums gebunden sind, als unversöhnbar mit ihrer Einheit des Werkes. (291 и след.). Цитаты из Адорно 1990.

- 7 Затем Лиотар в разных работах предложил определенные модификации первой концепции.
- 8 От себя прибавим, что эта концепция асоциального возвышенного удивительным образом осмысляет абстрактность Нового искусства как бы из перспективы парадоксалиста *Записок из подполья* Достоевского, который возмущается и бунтует против стеклянного дворца, красоты математического порядка и всеобщего счастья в прекрасном новом мире реформаторов общества. Такое понимание возвышенного, наверное, не совпадает с тем, что думал об этом сам Достоевский - и все-таки я спрашиваю себя, нельзя ли видеть воплощение его идеи возвышенного не только в князе Мышкине, но одновременно и в Ипполите и даже в Рогожине, и уж непременно в Ставрогине?
- 9 Некоторые наблюдения о религиозных и возвышенных темах и регистрах стиля у Радищева собраны в Fieguth 1990; намеки на темы и мотивы "возвышенного человечества" (erhöhtes Menschentum) у Карамзина содержатся в Rothe 1968. Все это, конечно, еще далеко от основного решения вопроса о возвышенном в сентиментализме.
- 10 Ср. у Н. Карамзина:
Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыхание мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствие и радость разлились в моем сердце. Я преклонил колена, устремил взор свой на небо, и принес жертву сердечного моления - Тому, Кто в сих гранитах и снегах напечатлел столь явственно Свое всемогущество, Свое величие, Свою вечность!... Друзья мои! Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения Всевышнему!... Язык мой не мог произнести ни одного слова; но я никогда так усердно не молился, как в сию минуту! (*Письма русского путешественника*, ч. 2-ая, "Пастушьи хижины на Альпийских горах, в 9 часов утра"; «64»; Карамзин 1984, 133)
- 11 Ссылаюсь здесь преимущественно на устные дискуссии с разными коллегами, так как новейших русистских публикаций на эту тему до статьи Hansen-Löve 1991 не было.

Л и т е р а т у р а

- Карамзин, Н.М. 1984. *Письма русского путешественника*, Ленинград (Литературные памятники).
- Коновалов, В.Н./Сафиуллин, Я. Г. 1994. *Антология русских текстов XVIII и XIX вв. о возвышенном*, Казань (в печати).
- Наследие Плеханова 1974. *Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова*. В 3-х тт., Москва.
- Adorno, Th.W. 1990. *Ästhetische Theorie*, Frankfurt/Main.
- Courtine, J.F., и другие. 1988. *Du sublime*, Paris.
- Fieguth, R. 1990. "Zum Stil des Erzählberichts in A.N. Radiščevs *Reise*. Versuch der ästhetischen Lektüre eines «langweiligen Buches»", in: E. de Haard et alii, *Semantic Analysis of Literary Texts. To Honour Jan van der Eng...*, Amsterdam etc., 153-182.
- Fieguth, R. 1994. "К вопросу о категории «возвышенного» у Вячеслава Иванова", *Cahiers du monde russe*, XXXV (1-2), 150.
- Hansen-Löve, A.A. 1991, "Zur Typologie des Erhabenen in der russischen Moderne", *Poetica*, 23, 166-216.
- Lyotard, J.-F. 1988. "Réponse à la question: qu'est-ce que le postmoderne", [1981], Lyotard, Jean-François, *Le postmoderne expliqué aux enfants*, Paris.
- Pries, Chr. (Hg.) 1989. *Das Erhabene. Zwischen Grenzerfahrung und Größenwahn*, Weinheim.
- Rothe, H. 1968. *N.M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans*, Bad Homburg v.d.H. etc. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 1).